

Хайрулдинов М. А.

КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСТВА И НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА КРЫМСКИХ ТАТАР

«Мусульманской», или «арабской», культурой принято называть средневековую культуру так называемого Востока. Эта культура не была всецело создана последователями ислама и арабским народом, но те народы Передней Азии и отчасти Африки, к которым на долгое время перешло утраченное Европой культурное первенство, были объединены исламом как государственной религией и арабским языком как языком научной мысли [1, с. 7].

Ислам (араб. – покорность) – одна из трех (наряду с буддизмом и христианством) мировых религий, возникшая в VII веке и во многом определившая историю и культурную жизнь значительной части населения Азии, Африки и частично Европы в средние века, новое и новейшее время. В настоящее время число исповедующих ислам превышает миллиард человек. Характерной чертой ислама является его роль социального и культурного регулятора.

Известный педагог Г.Н. Волков писал: «Магомет, учитель многих народов, был одним из величайших подвижников человечества. Его учение стало основой всей арабской культуры. Да и к народной педагогике тех, кто исповедует ислам, дороги не найдешь без Корана» [2, с. 150]. Коран – произведение, в котором отражены регионально-культурные особенности тех или иных народов. Вера и учение, как и богослужение на арабском языке, являются общими для всех мусульман, но религиозные обычаи, традиции, обряды, напротив, имеют ясно выраженные черты религиозных культур. Еще в период создания и распространения новой религии народы с иными культурными традициями, включившись в духовную жизнь мусульманского мира, привнесли в ислам свои религиозно-этнические представления, правовые нормы, обычаи. По этой причине мы рассматриваем мусульманскую религию и Коран не только как важный фактор воспитания молодежи, но и как историко-этнографический источник изучения истории и культуры крымскотатарского народа.

Крымские татары, как известно, по вероисповеданию мусульмане-сунниты. Согласно преданию о сподвижнике Пророка Мухаммеде Гази Мансуре, похороненном в Крыму в начале VIII в., на полуострове примерно с этого времени появляются первые мусульманские братства. По утвердившейся в последние десятилетия XX в. официальной версии, ислам проник в Крым во второй половине XIII в., тогда как имеются достоверные сведения о распространении ислама на территории хазарского государства и на Северном Кавказе в VII–VIII вв., в частности – в Азербайджане и Дагестане [3, с. 38]. К моменту образования Крымского ханства автохтонное тюркоязычное население полуострова полностью представляло из себя мусульман, последователей Сунны. Ислам стал их народной религией.

В религии «...выражаются идеальные стремления народа; в ней народ отвлекается от своих будничных дел, ежедневных занятий и возносится в идеальный мир. По своим элементам религии суть весьма сложные явления, поэтому первенствующее значение в них могут получать весьма различные черты. Самое существенное в религии – отношение ее к нравственности, разуму и общий тон. Каждая религия учит, как жить, как относиться к людям, в чем задача человеческого существования. Но, к сожалению, в большинстве религий на практике этот существенный нравственный элемент отходит на второй и даже третий план, а выдающееся значение получает обыкновенно культ, церемониальная, обрядная сторона.

Наконец, весьма важен общий тон религии. Есть религии светлые, радостные, гуманные, бодрящие, а есть религии мрачные, суровые, жестокие, подавляющие. В одних религиях и человеческая личность, и жизнь ценятся высоко; исповедники религии призывают к бодрому труду и наслаждению жизнью; в других религиях человек

объявляется червяком, жизнь признается временем испытаний и плача, и высшей задачей ставится пренебрежение к земле и всем ее благам и устремление ума и сердца в загробный мир.

В этих особенностях религий выражается различие народного характера, склада народного ума, народной души и степени ее культурности. Каков народ, таков и его Бог, такова и его религия» [4].

Мусульманская религия оказала существенное влияние на формирование крымскотатарского народа как нации. Многие исследователи (Э. Челеби, Тунманн, Е.Л. Марков, Х.Х. Зенкевич, К. Монтандон, М. Литвин, Ф.Н. Андриевский, А.К. Завадский, П. Шевалье и др.) отмечают своеобразие и устойчивость национального характера крымских татар, выражающегося в добродушии, приветливости, уважительном отношении к людям. В книге французского историка Пьера Шевалье, изданной во Франции в 1963 г. под названием «История войны казаков против Польши», указывается: «Что касается их [татар – М.Х.] обычаев, то трудно представить менее порочных людей, ибо, кроме того, что татары рассудительны, они очень искренни и верны. Среди них нет плутов и клеветников, нет несправедливости или насилия. Убежденного крымского татарина, который однажды поклялся на Коране (священная книга мусульман), уже очень трудно сбить с правильного пути». Исследователи также отмечают традицию национальной и религиозной терпимости как характерную черту психологии крымских татар.

С принятием ислама арабская лексика и традиции вошли в язык и быт крымских татар вместе с мусульманской культурой: в Крым пришло арабское письмо, богословские книги, духовные школы, новые личные имена (взамен тюркских или параллельно с ними). В настоящее время трудно точно определить время заимствования большинства арабизмов, тем не менее об употреблении некоторых из них в крымскотатарском языке уже в XIII в. свидетельствует наличие их в памятнике половецкого языка «Кодекс Куманикус». В этом словаре зафиксировано около 140 арабских слов, основная часть которых употребляется в современном крымскотатарском языке [5, с. 46–47]. Письменность крымских татар до 1929 г. была на основе арабского алфавита.

Личные имена, вошедшие в крымскотатарский язык из арабского, можно сгруппировать следующим образом:

а) *имена и эпитеты Аллаха, Пророка Мухаммеда и имамов:*

Абдураман, Абдальмеджит, Абдульваап, Абдульреим, Абдуджемиль, Мухаммед, Мустафа, Реуф, Мамут, Эмин, Мемет, Амет, Али, Садык, Меди, Касым, Асан, Риза;

б) *имена пророков, пришедшие из иудейско-христианского мира:*

Эдем, Эюп, Ибрагим, Иса, Юсуф, Сулейман, Якуб, Ильяс, Зекерья, Исмаил, Идрис, Мерьем;

в) *имена, данные по названию месяцев арабского лунного календаря:*

Эреджеп, Рамазан, Муарем, Шабан, Ашыр, Сефер;

г) *самая многочисленная группа личных имен образована от нарицательных слов арабского языка:*

Энвер, Эшреф, Экрем, Вели, Эмир, Ариф, Эдип, Азам, Ваджип, Мидат, Таир, Сабри, Джемиль, Заир, Кадыр, Куддус, Ведут, Басыр, Рушди, Сафие, Фикрие, Найле, Мунивер, Зоре, Лейля, Мелек, Махбубе, Шемсие, Шемсинур, Халиде, Урие, Ресмие, Мусемма и др. [6, с. 5].

Мусульманская идеология оказала влияние и на устное народное творчество. Нам известен целый ряд сюжетов крымскотатарских сказок, почерпнутых из Корана; в фольклоре крымских татар встречаются персонажи общетюркского эпоса, а также герои, характерные для мусульманских народов. Велико количество пословиц и поговорок, посвященных религиозной и нравственно-этической тематике: «Алла бир къапыны къапатса, бинь къапыны ачар» – «Если Бог закроет одну дверь, то откроет тысячу»; «Алланынь хазинеси молдыр» – «Божья казна обильна»; «Алла эр кеснинь гоньлюне коре

берир» – «Бог дает всякому по его сердцу»; «Анасыны, бабасыны кьорчалагъанны Алла кьорчалар» – «Кто заботится о своих отце и матери, тот Богом храним».

Этот же фактор в свое время определил развитие крымскотатарской литературы в Крыму, включив ее в область бытия всей тюркоязычной мусульманской литературы, а в более широком смысле – в сферу жизнедеятельности всего исламского мира. Большое место в литературе занимали всевозможные «тефсиры» и «хашие» – толкователи Корана и Сунны Пророка, свидетельствующие о глубине и изощренности философской мысли эпохи. В каждом произведении лирических авторов был некий скрытый смысл, мистический подтекст. К таким произведениям можно отнести газели Менгли Гирея I, отдельные произведения Бора Газы, Абдуллаха и Рамиза Паши, поэтов-суфиев отца и сына, Абдуллаха эфенди, Ашык Умера, Ферруха Исмаила и многих других авторов.

Наконец, религиозная ориентация Крыма нашла реальное отражение и в его довоенной топонимике: Аджы-Атман, Аджы-Бай, Аджы-Болат, Аджилар, Аджикечь, Аджикой, Асан-Аджи, Акмесджит, Ак-Мечеть, Ак-Шейх; Джала-Шейх-Эли, Джадра-Шейх-Эли, Джума-Аблам, Джума-Эли, Ислям-Терек, Молла-Эли, Моллалар, Минарели-Шибан, Сейтлер-Вакуф, Суин-Аджи, Тахта-Джами, Черкез-Аджи, Шейх-Кой и др. Мусульманская культура оказала значительное влияние на образ жизни и одежду крымских татар. К обрядовой одежде относится одежда, предназначенная для участия населения в религиозных ритуалах: а) свадебном; б) похоронном; в) обряде обрезания; г) религиозных праздниках.

Одним из самых значительных элементов в этой группе обрядов являются головные уборы (шапка и платок), играющие различные роли в зависимости от цвета, размера, характера надевания. Зеленый цвет считался у мусульман знаком особого отличия.

«На религиозные праздники, особенно на Курбан Байрам, мужчины и женщины надевали самые нарядные платья и устраивали состязания, на которых женщины выдавали мужчинам-победителям призы. В призы входили кушаки, платки и башмаки – красные сафьяновые остроконечные, без подошвы. А на 10-й день Рамазана в степном районе парни надевали высокие колпаки, белые одежды и маски. Некоторые из них одевались в женское платье.

До наших дней существуют особые приготовления к совершению молитвы, отражающиеся на costume. Мужчины, молящиеся в мечетях, всегда снимают обувь. Молящиеся в пути подстилают под колени верхнюю одежду. Женщины, обычно молящиеся дома, снимают во время молитвы все украшения, покрывают голову шарфом так, чтобы не видны были волосы, и опускают манжеты платья, закрывая ими кисти рук (опрос автором информатора З. Бекировой, г. Евпатория, 1989 г.)» [7, с. 55–56].

«На протяжении почти всего второго тысячелетия нашей эры, причем особенно концентрированно в период с начала XIII до начала XX века, крымскотатарская культура оказывается в теснейшей связи с исламом и выступает на восточно-европейской арене, прежде всего, как культура мусульманская, отличающаяся своими конфессиональными ориентирами от соседних (славянских, а также румынской, греческой, армянской, еврейской и других) культур и в силу тех же конфессиональных ориентиров особенно близкая турецкой культуре и культурам народов России, входящих в исламский ареал (Северного Кавказа, Поволжья)» [8, с. 29].

С.Червонная дает следующую периодизацию искусства татарского Крыма: искусство Крыма золотоордынского периода (XIII–XV вв.); искусство Крымского ханства XV–XVI вв. (эпоха «мусульманского Ренессанса»); крымскотатарское искусство в Таврической губернии Российской империи (1783–1917); крымскотатарское искусство в годы революции, гражданской войны и довоенной социалистической автономии (1917–1941); война-депортация – трагедия крымскотатарской культуры; современное профессиональное искусство крымских татар: возвращение на родину (конец 80-х – 90-е годы XX века).

В настоящее время осуществляется возрождение крымскотатарского искусства, которое становится частью его духовной культуры. Крымскотатарское изобразительное искусство представлено следующими замечательными художниками: Мамут Чурлу (1946) – «Бахчисарай моя родина» (1989), «Последний минарет» (1989), «Навсегда» (1989), «Возвращение» (1990), «Депортация» (1991), «Новый поселок» (1991); Рамазан Усеинов (1949) – «Аю-даг», «Тавр-воин», «Саратан» (1993); Нури Якубов (1965) – «Бахчисарай» (1991), «Девушка у фонтана» (1991), «У источника» (1991), «Источник жизни» (1993); Исмет Шейх-заде (1965) – «Кореиз. Крым» (1992), «Дом моей бабушки в Феодисии» (1989), «Зинджирлы» (1993); Алим Усеинов (1941) – «Бездомные», «Старик с тюльпаном», «Святое семейство», «С шестом» (1993), «Некрополь» (1989), «Этнос» (1990-1993), «Мудрость» (1993); Рамиз Нетовкин – «Джума-Джами» (1988), «Бахчисарайская мелодия» (1990), «Крым уходящий», «Портал мечети хана-Узбека в Старом Крыму», «Дюрбе», «Под арками» (1994); Зарема Трасинова (1940) – «Чужой» (1987), гравюра «Легенды и эпос крымских татар» (1988); гравюра «Исмаил Гаспринский» (1991), «Намаз» (1990) и др.

Наряду с художниками все более активную творческую роль в культурной жизни Крыма играют крымскотатарские скульпторы Шукри Халилов, Татьяна Меметова, Айдер Алиев, Шевкет Ахтемов, Рустем Абляев, Али Билялов и др. Их произведения навеяны религиозными представлениями, легендами и сказаниями. В их обращении к восточной или непосредственно религиозной тематике оживает далекое прошлое народа. В настоящее время скульпторы принимают участие в восстановлении комплекса Ханского дворца (XVI–XVIII вв.), здания Зинджирлы-медресе в Бахчисарае (XV в.), Джума-Джами в Евпатории (1564 г.), Муфти-Джами в Феодосии (1623 г.), медресе в Симферополе (XIX в.) и многих других зданий в городах и селах Крыма. Воздвигнуты памятники И. Гаспринскому в Симферополе (1999 г.), Б. Чобан-заде в Белогорске и т.д. [9].

В сфере религиозных музыкальных обрядов крымских татар получили широкое распространение эзан, рецитация Корана (таджвид), иляхи, мевлюды и крымскотатарские народные песни.

Иляхи в переводе с арабского означает «божественная». Судя по их содержанию и назначению, иляхи могут классифицироваться как религиозные песни-гимны... В них заложены свойства воспитательного начала духовного преобразования человека... Все они построены в виде обращений: к Аллаху, к Зиме, к Человеку, к Миру, к ушедшим из этой жизни... Видимо, из этого и исходили некоторые музыканты, классифицируя иляхи как жанр «песен-плачей» крымских татар» [10, с. 43].

«Мевлюд содержит автобиографические данные Мухаммеда и его семьи и исполняется у каждого народа на родном языке. Мевлюд включает в себя иляхи, посвященные Мухаммеду, а также особую «Шербет иляхиси», исполняемую во время подачи сладкого ароматизированного напитка. Эти иляхи относятся к техвидам (араб. – «единобожье»), исполняются хором. Они-то в основном и сохранились в религиозных обрядах крымских татар» [10, с.44]. Мевлюды, как правило, исполняются при омовении покойного, в свадебных обрядах, во время проводов сыновей на воинскую службу.

Народные крымскотатарские песни, называемые «йыр», несложны по форме и лаконичны по содержанию и состоят, как правило, из двух или трех частей: «Ногай бейити» («Ногайский бейт»), «Авелиймен» («Я птицей рею»), «Сары эчким» («Есть у меня рыжая коза»). Кроме песен, выделяют «чины» (песни импровизированного характера). К народным музыкальным инструментам относятся: зурна (волынка), кавал (свистковая дудка), давул (большой барабан), даре (бубен), саз (струнный щипковый инструмент с глубоким грушевидным корпусом и длиной шейкой), сантыр (род цимбал). Крымскотатарской песенной культурой интересовались композиторы М.И. Глинка, А.А. Спендяев, используя ее в своем творчестве («Руслан и Людмила», «Крымские эскизы»). Первыми музыкантами, получившими профессиональное музыкальное образование, были

С. Ханбекова, Я. Шерфединов, А. Рефатов, И. Бахшиш, А. Каври, Р. Амзаев, Э. Налбандов, Д. Кудусов.

В настоящее время возрождают и развивают музыкальное искусство крымских татар композиторы Ф. Алиев, С. Какура, Э. Асанов, Э. Эмир, М. Халитова, Д. Кариков [11, 12].

Мусульманская религия оказала влияние и на традиционные формы образования крымских татар, ориентированных в основном на «материнскую школу» или передачу знаний в процессе жизнедеятельности. Мусульманская модель образования строится, в первую очередь, на Коране и сунне, а также научных и теоретических достижениях ученых-энциклопедистов Востока Абу-али Ибн Сины, Ибн Рушда, аль-Газали и др. Известно, что школами первой ступени являлись мектебы, подразделявшиеся на три основных типа: мечетские, джематские (община) и частные. В них детей обучали основам религии, арабскому и родным языкам. Каждый мусульманин должен был уметь читать Коран, поэтому мектебы стали массовыми.

«Народное образование традиционно находилось в Крыму на весьма высоком уровне. Всеобщее обязательное обучение в приходских школах (мектебе) для детей с 6 до 15 лет было введено здесь гораздо раньше, чем в России. Мектебе были в каждой деревне, где имелась мечеть. Всего же мечетей в начале XIX в. было 1556, т.е. одна школа приходилась на 700–800 человек, что также намного превосходило общероссийский уровень. Но шли годы, и царская администрация последовательно закрывала мечети, распускала школы, так что в 1890 г. осталось лишь 275 мектебе..., а новых школ для татар создано почти не было» [13, с.369].

Мусульманское медресе являлось учебным заведением второй ступени. Они готовили муллу, что значит «учителя мектебе». Медресе также содержались за счет общины. «Несколько ... общин имеют одну соборную мечеть: несколько десятков их - одно медресе, высшую школу, где концентрируются и имеют источник все познания мусульман, откуда выходят их богословы, законоведы, муллы, ахуны, учителя и вообще ученые» [14, с. 40].

Турецкий путешественник Эвлия Челеби свидетельствовал, что в Крыму медресе были достаточно распространенными. Лучшими, по его мнению, считались Эски-салачикское Зинджирлы-медресе Мегли Гирей хана и Сахиб Гирей хана, что в Бахчисарае; одно из пяти в Кафе и его пригородном квартале Топраклык, а именно медресе Хаджи Фархада и пять в Карасубазаре. В последних, по словам Эвлия Челеби, много улемов-мухаддисов, которые знали все семь стилей чтения Корана, но признавали и использовали классический стиль Абдуллах Абу Бакр Абу Мабад ибн Кясира. В иных городах Эвлия Челеби только перечислил количество медресе: несколько в Старом Крыму; в столице второго лица ханства калги-султана в г. Акмесджите существовало два медресе, столько же в г. Гезлеве; по одному в Керчи и во внешнем пригородном поселке Инкермане. А в Тамани было целых три медресе [15, с. 39-107].

После присоединения Крыма к России в 1783 г. российская администрация стала создавать русско-татарские школы, училища, учительские школы, которые в какой-то степени и были шагом вперед в деле распространения светских знаний среди крымских татар, но последовательно осуществлялся курс на сворачивание национальных учебных заведений и образования на родном языке. Культурное развитие народа оказалось в полосе застоя.

Великие мыслители рождаются именно на изломах истории, в местах на земном шаре, наиболее подверженных общественным деформациям. Востребует жизнь – и они появляются. На философском языке это трактуется, как «проявление необходимости».

Не мог Исмаил Гаспринский, выросший в Бахчисарае, где печатался и откуда распространялся по всему мусульманскому поясу России Священный Коран (Байчисарайская типография была некоторое время единственной, предназначавшейся

для этой цели), не думать о судьбах мусульманства в России, да и во всем мире. Не мог он, живший неподалеку от служившей когда-то общепризнанной кузницей всесторонне просвещенных людей – Зынджирлы-медресе (и на ее же территории похороненный), не тяготится обреченностью своего народа и других тюрков-мусульман России на нищету, бесправие и невежество. Не мог, видя насколько сильно имперское давление, не искать путей высвобождения из-под гнета на поприще именно просвещения, которое не опровергает, а предполагает мирное сожительство и развитие народов, становясь еще и условием для этого.

Феномен И. Гаспринского не случаен. То, как он блестяще справлялся со своим предназначением, не может не восхищать и не радовать. Исмаил-бей Гаспринский явился символом, генератором и источником новых идей и новой философской концепции, основанной на ненасилии в глобальном масштабе, на безоговорочном славяно-восточном согласии, на принципах самоорганизации общества, органически присущих мусульманству.

И. Гаспринский был одним из последних представителей блестящей когорты ученых-энциклопедистов Востока. Мировоззрение, общественно-политические взгляды, педагогическая деятельность Гаспринского формировались в сложных и противоречивых условиях общественной жизни России второй половины XIX в. Он родился в семье мелкопоместного дворянина. Его мать, Кайтазова Фатима ханум Ильясовна, принадлежала к одной из знатных дворянских фамилий. Отец, Мустафа Гаспринский, был дворянином, но семья его не была богатой. Он окончил русскую гимназию в Одессе; был достаточно прогрессивен и известен в Бахчисарае.

Привилегированное общественное положение родителей открывало перед молодым Исмаилом Гаспринским некоторые перспективы. После непродолжительной учебы в Бахчисарайском мектебе он продолжил образование в Симферопольской казенной мужской гимназии, а затем поступил в Московский кадетский корпус, в котором проучился четыре года. Он много путешествовал в познавательных и просветительских целях, изучал европейскую культуру и образование в Испании, Венгрии, Франции, Германии, Турции и России. Во второй половине XIX века в этих странах сложилась передовая дидактическая система обучения, разработанная Я.А. Коменским (Чехия), И.Г. Песталоцци (Швейцария), И. Гербартом, А. Дистервегом (Германия), К.Д. Ушинским (Россия).

Классно-урочная система обучения было вызвана к жизни новыми капиталистическими отношениями в Европе и пришла на смену индивидуально-групповому обучению. Индивидуально-групповая система обучения – это наиболее ранняя, исторически сложившаяся система обучения. Ее можно было встретить на заре зарождения группового обучения. Применялась она в середине века в церковных, иезуитских, рыцарских школах. Особенность этой системы обучения заключается в том, что прием в школу осуществлялся в любое время года. При этом принимали учащихся любого возраста. Хотя учащиеся занимались группами, обучение было индивидуальное, т.е. учитель давал каждому учащемуся в отдельности задание, которое с него потом спрашивал, объясняя трудные места; методика обучения была примитивной. Результаты обучения – незначительны, однако они соответствовали низкому уровню требований в вопросах образования.

На какой-то период эта система была терпима, так как обучение не было еще массовым. Когда жизнь, рост промышленности, науки и техники выдвинули потребность в образовании в массовом масштабе, т.е. стали требоваться грамотные работники, на смену пришли другие формы организации обучения, позволяющие одному учителю обучать большее количество учащихся, давая им при этом высокий уровень образования. И.Гаспринский аккумулировал достижения передовой педагогической практики Европы и выступил в качестве выразителя необходимости социально-экономических перемен в странах Востока, первичным проявлением которой и явилось узкое культурное

движение за реформу старой системы мусульманского образования и создание новых школ с новыми методами обучения. Широко используя современные ему достижения отечественной и зарубежной педагогической мысли, он создал методiku, приспособленную для начальных школ крымских татар и других тюркоязычных народов.

И. Гаспринский кардинальным образом реформировал архаичную мусульманскую школу. Он открыл и реорганизовал более тысячи мектебов (школ) от Бахчисарая до Благовещенска. В доме-музее его имени до Великой отечественной войны посетители могли видеть уникальный экспонат – шар, составленный из тысячи драгоценных камней, на которых были выгравированы наименования открытых им школ. Приблизив программу школы к европейской, он применял так называемый «звуковой метод обучения», разработал простой и понятный учебник «Ходжа-и-субьян» («Учитель детей»). Пользуясь этим учебником, даже родители могли учить ребенка грамоте. При этом ученики за полгода осваивали то, что ранее проходили за три-четыре года обучения.

Долгое время мы рассматривали религию и науку, религию и образование только в плане их противостояния. В теории и практике прошлых лет в качестве одной из важных выдвигалась задача формирования у учащихся непримиримого критического отношения к религии. Светский характер школы трактовался таким образом, что она не могла давать учащимся знания о религии как части культуры. Между тем неотъемлемым компонентом каждой социальной науки и гуманитарного образования является изучение религии как социокультурного феномена. Многие из того, что происходило в прошлом и происходит в наши дни в мире, невозможно понять, не учитывая влияния религии и не располагая для этого соответствующими знаниями о ней. Без этой важной составляющей образование оказывается урезанным и неполным.

Из сказанного следует важный педагогический вывод, что без знания религии – ее происхождения, сущности вероучения, культа, этических учений, знания самой Библии, Корана и других выдающихся памятников культуры и литературы – громадный пласт культурного наследия не будет воспринят подрастающими поколениями.

Кроме того, любая религия выступает в качестве части культуры того или иного народа и является важнейшим фактором обозначения национальной принадлежности человека. Видимо, по этой причине в бывшем «интернациональном» Советском Союзе традиционно именно эта функция религии подвергалась наиболее жесткой, уничтожающей критике. Что бы мы ни говорили об общечеловеческих ценностях, религия всегда является моментом разведения, обозначения границы: иудаизм, православие, католицизм, протестантство, мусульманство. В многонациональных Крыму и Украине, естественно, возникает проблема важности и принципиальности этих границ. И вопрос религии и религиозного образования – это, в принципе, вопрос становления украинской государственности. В Украине принята модель взаимоотношений церкви и государства, предполагающая равенство всех религий, что очень важно для национального и интернационального воспитания людей, их исповедующих.

Сегодня необходимо точно определить место религии в системе образования. Эта задача должна стать предметом специальных исследований. В то же время в жизни есть очевидные возможности значительно расширить контакты церкви и мечети с учреждениями образования.

Литература

1. Бартольд В.В. Культура мусульманства. – М.: Изд-во «Ленком», 1998. – 112 с.
2. Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 1999. – 168 с.
3. Саидбаев Т.С. Ислам и общество. – М.: Наука, 1978. – 250 с.
4. Каптерев П.Ф. Педагогический процесс. Избранные педагогические сочинения. /Под ред. А.М. Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.
5. Меметов А. Крымские татары. – Симферополь: Анаюрт, 1993

6. Озенбашлы Э. Къырымтатар адлары. – Акъмесджит: Таврия, 1992
7. Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 2000. – 104 с.
8. Червонная С. Искусство татарского Крыма. – М., 1995. – 240 с.
9. Крекун Е.В. Памятники крымскотатарской архитектуры. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное изд-во, 1998. – 112 с.
10. Асанов Л. Иляхи // Къасевет. – 1994. – № 3.
11. Песни Крыма. Собранные и записанные А.К. Кончевским. – М.: Муз. сектор Госиздата, 1924.
12. Звучи, Хайтарма. Крымскотатарские народные песни и инструментальные наигрыши / Сост. Я. Шерфединов. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1990. – 229 с.
13. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.
14. Гаспринский И. Россия и Восток. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Казань: Фонд Жиен «Татарское книжное издательство», 1993. – 130 с.
15. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.